

ОТЗЫВ

**официального оппонента о диссертации М. М. Акчурине
«Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала
XVII веков (Этнополитические аспекты)» на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 –
Отечественная история.**

Диссертационное исследование М. М. Акчурина посвящено теме, до сих пор слабо изученной и «тёмной». Одной из самых больших проблем при изучении Мещеры в XV – начале XVII вв. является почти полное отсутствие источников. Это обстоятельство потребовало от докторанта серьезных архивных изысканий, подчеркнем не только в федеральных, но и различных региональных архивохранилищах, и аналитической работы. Актуальность темы, избранной Максимом Маратовичем не вызывает сомнений, но все же проговорим основные позиции. Рост Российского государства и процесс превращения его многонациональную и поликонфессиональную державу приводил к тому, что в рамках единого государства сохранялись разноукладные общества и существовали разные традиции и практики управления. Сохранялись и местные элиты. Как при этом выстраивалась система отношений между представителями центральных властей, местными элитами и местным населением; происхождение этих элит, их эволюция – все это до недавнего времени не попадало в оптику исследователей. Именно поэтому вокруг этой проблематики так много сложилось мифов и предубеждений. В этом контексте исследование М. М. Акчурина представляется крайне своевременным. Научная новизна диссертации очевидна.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списков использованных источников и литературы, семи приложений. Следует подчеркнуть четкую структуру работы и логику решения поставленных задач. Во введении обосновывается актуальность темы, определяется объект и предмет, хронологические и территориальные рамки исследования. Историография темы обстоятельно проанализирована. Выделены основные

исследовательские проблемы и показана динамика развития научных представлений по этой проблематике.

Новизна и эффективность исследования достигается также в результате использования широчайшего круга разнообразных источников, как опубликованных, так и выявленных в архивохранилищах. Автор использовал актовый материал, данные писцовых описаний, разрядных и посольских книг, генеалогические источники, а также нарративные источники (летописи, записки иностранцев) и картографические источники. Особо стоит отметить, что диссертант привлек документы не только федеральных, но и региональных архивов: РГАДА, Государственный архив Астраханской области, Государственный архив Пензенской области, Государственный архив Саратовской области, Центральный государственный архив Республики Мордовия. Важно, что диссертант провел адекватный источниковедческий анализ используемых документов, позволивший правильно оценить и грамотно использовать в научно-историческом анализе содержащуюся в них информацию.

Теоретико-методическая база исследования адекватна поставленным задачам. Исследователь применил метод комплексного источниковедения, компаративный и ряд других. Нашлось место и междисциплинарному подходу, так как для проверки ряда генеалогических гипотез были использованы генетические исследования Y-хромосом представителей старинных татарских родов

Цели и задачи исследования имеют научно-историческую значимость.

Структура работы вполне соответствуют поставленным во введении задачам. Несомненным достоинством работы является четкая структура проведенного анализа с единой логикой для привлеченных аргументов, а также наличие в каждой главе отдельных выводов.

В первой главе автор, рассматривает специфику политического статуса различных областей Мещерского уезда. В первом параграфе М. М. Акчурин анализирует политический статус Мещеры и Мещерского юрта и

показывает, что «историческая область Мещеры (позднее – Мещерский уезд) в границах XVI века включала в себя территории, часть из которых ещё в ордынские времена входила в состав русских княжеств (назовем ее западной частью Мещеры), другая ее часть – это бывшие внутренние территории Золотой Орды вместе с населявшим их местным татарским и мордовским населением (назовем ее восточной частью Мещеры)». Историк приходит к ряду важных заключений. Во-первых, что татарские князья, получавшие ясак с мордовского населения подчинялись непосредственно великим князьям московским (С. 44). Во-вторых, что выплата ясака не означала, что его получатель «надеялся правом управления данным населением» (С. 45). В-третьих, М. М. Акчурин делает крайне важное заключение, что «признаков наличия власти касимовских правителей над всем русским населением Мещерского уезда также не обнаружено» (С. 48). Во втором параграфе исследуются бывшие золотоордынские земли Мещеры. Автор указывает, что «мордовские земли вплоть до последних десятилетий XV века ещё оставались в некоторой степени независимыми от московского великого князя» (С. 51). В 80 – 90-е гг. XV в. мордовские земли еще сохраняли свою автономность, но русские власти уже начали постепенное наступление на эту автономию, что нашло отражение в актах. Постепенное подчинение «мордовского фронтира» не привело к ликвидации местных управленческих элит. Напротив, как показывает докторант, еще в первой трети XVI столетия здесь сосуществовали две властные структуры, представленные русскими мещерскими наместниками и «мордовскими князьями» - представителями местной системы управления. Этнически же эти «мордовские» князья были татарами, когда как князья будущих Алатырского и восточной части Арзамасского уездов были этнической эрзей. Завершая эту главу, автор отмечает, что Мещера XVI века два основных ареала со своей спецификой. Первый ареал, это те земли, что уже в XIV в. принадлежали московским или рязанским великим князьям, а второй – Цненско-Мокшанский регион некогда являлся внутренней частью Золотой Орды. Примечательно, что так

называемое Касимовское царство (ханство) сложилось именно в первом ареале. Исследователь смог обосновано очертить границы власти касимовских царей и царевичей: право суда над касимовскими татарами, царским двором, жителями посада г. Касимова, крестьянами пожалованных сел и деревень.

Во второй главе **«Институты власти в Мещере (Мещерских уездах) в московский период: татарские князья и татарские наместники»** автор ставит себе целью выяснить: в чем заключалось «княжение» и прояснить природу власти «мордовских» князей. В первом параграфе разбирается природа и функции власти татарских беков. Для этого диссертант совершаet экскурс в период Золотой Орды, а так же анализирует положение и функции беков в постордынских государствах. Важным представляется его наблюдение, что «под объектом владения беков нужно понимать в первую очередь подвластное население» (С. 64). Сам титул «бека», по мнению М. М. Акчурин, должен был обязательно утверждаться верховным правителем, но избирались беки из ограниченного числа родов. Ключевой функцией для беков была судебная власть. Далее автор обращает внимание на то, что в средневековых русских источниках исполнение своих функций князям передавалось термином «княжение», что близко по смыслу к татарским терминам «билек» или «биклек». Дальнейший ход рассуждений приводит автора к тому, что он отмечает еще ряд свойств титула «бек». Это утверждение на внутрисемейном совете, невозможность бекства в одном и том же юрте для нескольких лиц и, наконец, то, что титул «бек» имел пожизненный характер и сохранялся за его носителем, даже если тот лишился своего юрта. В целом, М. М. Акчурин склонен сближать татарских беков с русскими удельными князьями.

По мере ослабления Орды, а затем и с ее крахом начинается переход ряда татарских беков на русскую службу. Автор показывает, что поглощение ордынских земель не приводило к стремительному уничтожению старых систем управления. Напротив, «...местные домосковские системы

управления на протяжении XVI – начала XVII веков еще продолжали функционировать» (С. 74 – 75), а «правители Московского государства обеспечивали разделение властных полномочий между старыми и новыми системами и их сосуществование на протяжении этого периода» (С. 75)

После этих рассуждений автор переходит к анализу института власти татарских князей в мордовских землях. Одним из источников для изучения этой проблемы стали жалованные грамоты. Похвалы заслуживает удачная попытка восстановления идеального формуляра жалованных грамот на княжение над мордвой. Диссертант составил список сохранившихся жалованных грамот. Анализ этого вида источников позволил выяснить, что каждая группа мордовского населения Цненско-Мокшанского региона, как правило, управлялась своей татарской княжеской династией. Далее автор отмечает идентичность характерных черт организации власти татарских беков Золотой Орды и постордынских государств и татарских князей в мордовских землях. В итоге диссертант делает методическое заключение, позволяющее проводить общую реконструкцию истории «мордовских князей», основанное на жесткой связи титула «князь» с наличием «княженья» («юрта»).

М. М. Акчурин исследует такое сложное явление как «беляк». Цепь его заключений представляется существенной для этой проблематики. Сначала диссертант обосновывает связь «беляка» с сотниками и приходит к выводу, что «беляки» – это некие объединения мордвы со своими сотниками, которые обеспечивали сбор ясака и исполнения жителями иных повинностей. Сотники же в свою очередь подчинялись татарским князьям, следовательно, пожалование беков «княженьем» означало наделением их властью над «беляком» и его сотниками. Как результат, мы можем понимать «беляк» не только как податной, но и судебный округ. При этом исследователь делает важное ограничение, отрицая возможность «беляка» быть земельной или вотчинной собственностью и, как следствие, отрицает возможность трактования «беляка» как государственного образования. Самые же татарские

князья по своему положению близки русским волостям, за одним лишь исключением, что их статус был пожизненным и мог наследоваться. В итоге автор приходит к выводу о тождестве «беляков» и волостей, отличием стало лишь то, что управлялись они татарскими князьями. Такое сосуществование старых форм управления с новыми администраторами продолжалось до конца XVI в. Уже в годы правления царей Федора Ивановича и Бориса Годунова новых жалованных грамот на «княженье» не выдавали, однако во время Смуты эта практика была возрождена. После избрания на царство Михаила Романова, правительство подтвердило ранее выданные грамоты, но новых жалованных грамот не выдавало. Именно с этого времени можно считать завершенным процесс упразднения старых форм управления. Судебные функции были переданы мордовским головам, а «беляки» потеряли свой судебный характер и стали лишь податными округами.

Во втором параграфе второй главы автор переходит к изучению состава татарских княжеских родов. Здесь диссертант проводит генеалогическое исследование, выявляет роды, основные данные их истории, проясняет историю их владений. Сам этот параграф имеет самостоятельное значение, как отличная просопографическая база данных.

Третий параграф посвящен выяснению системы организации управления корпорациями служилых татар в XVI веке. Именно поэтому автор сосредотачивается на истории татарских наместников и городских центров Мещеры. М. М. Акчурин отрицает историчность Темниковского княжества, утверждая, что «будущий Темниковский уезд в XVI веке представлял собой совокупность мордовских «княжений» (беляков) во главе с татарскими князьями, старшему из которых назначались функции управления всеми татарами данной области» (С. 160).

Обстоятельно в диссертации разбирается история возникновения, перенесения и жизни таких городских центров как Старый Темников, Темников, Итяковское городище, Кадом, Саконы, Андреев городок. В работе привлекаются археологические данные, которые позволяют относить

к ордынскому времени Старокадомское и Итяковское городища. Время возникновения г. Саконы не ясно, но по упоминаниям в письменных источниках исследователь относит к концу XV в. Исследователь приходит к обоснованному выводу, что наиболее крупные корпорации сложились вокруг Старого Темникова и Старого Кадома. В 1530-е гг. эти города были перенесены на новые места, а группы служилых татар начнут миграции в восточном и юго-восточном направлениях, где в итоге сложатся новые корпорации.

Третья глава, посвящена изучению «мест татарских и мордовских» в постордынскую эпоху. Для этого диссертант проводит реконструкцию этнополитической структуры в ордынский и постордынский период. В этой части исследования автор прибегает к помощи генетических исследований. Автор высказывает предположение, что «...и в домосковский период мордовское население административно было разделено на несколько беляков, во главе которых стояли татарские беки, причем многие из них принадлежали к родам разного происхождения» (С. 192). Затем автор переходит к анализу процесса трансформации политического статуса бывших золотордынских земель. Итоговый вывод главы гипотетичен, но весьма важен: 1) образование на мордовских землях «беляков», управляемых татарским князьями произошло в XIII – XIV вв.; 2) мордовские земли подразделялись на несколько крупных «беляков»; 3) во 2-ой трети XV в. между московскими и рязанскими князьями с одной стороны и татарскими князьями мордовских земель произошло сближение, позволившее последним перебраться из Наровчата в более защищенные северные районы мордовских земель, примыкавшие к русским границам, и появлению там укрепленных городков-замков; 4) свою верховную власть над мордовскими землями во 2-ой половине XV в. сохраняли ханы Большой Орды.

Основные выводы и обобщения диссертации, приведенные в **Заключении**, вытекают из проведенного анализа, логичны, обоснованы и аргументированы. Наиболее значимыми выводами можно считать

определение властных полномочий татарских владетелей, выявление отсутствия характера государственных образований в мордовских «княжениях». Весьма важным является определение статуса Темникова в системе «мордовских княжений», как центра управления всеми татарами региона, при сохранении у других князей и мурз административных функций. В целом, автор разрешает проблему характера управления новыми территориями в пользу существования новых органов власти со старыми, когда русская администрация управляла только русским населением, а нерусское население управлялось представителями этнических элит. Между этими структурами существовало разграничение на собственные ареалы распространения власти. Все эти властные группы подчинялись московскому великому князю, а затем царю. Право местного управления не было связано с конфессиональной принадлежностью управленца (ни в ордынский, ни в московский периоды). Завершая свое изучения Мещера, М. М. Акчурин отмечает, что институт служилых татар встраивался в уже сложившуюся в данном регионе традиционную систему управления с сохранением ордынских элементов, где ключевые функции, как правило, оставались за местными татарскими князьями и мурзами.

Опубликованные соискателем научные публикации и автореферат вполне отражают основные положения диссертации. Результаты исследования апробированы на 6 международных и всероссийских конференциях и в 19 научных статьях, из них 5 в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Результаты проделанной автором работы, имеют практическое значение и найдут применение в дальнейшей научной разработке истории России, а также истории государственного управления, формирования многонационального государства и межконфессиональных отношений. Кроме того, положения диссертации могут найти применение как при регионоведческих исследованиях и образовательных курсах, так и при изучении различных аспектов этнополитического устройства других бывших

золотоордынских областей, ставших частью Московского государства, в которых сохранялись элементы местных систем управления.

Впрочем, несмотря на высокий уровень работы, есть и ряд замечаний. Так, автор пишет, что и в Крымском, Казанском ханствах и в Касимове имелись беки родов Ширин, Аргын, Барын, Кипчак и Мангыт. Однако это утверждение опирается в первую очередь на историографию, а не источники. Сам институт четырех правящих беков отлично известен на материалах Крымского ханства, тогда как в Казанском ханстве источниками прослеживается деятельность ширинских карачи-беков, а вот про другие эли мы основательных данных не имеем. В Касимове мы вновь имеет данные о Ширинах, а вот о других кланах столь же надежных сведений у нас нет. Так же и в случае с Касимовым мы должны себе отдавать отчет, что эти структуры поддерживались или обновлялись в результате эмиграции из постордынских государств, именно поэтому они могли и иметь иной состав. Так, к примеру, в начале XVII в. в Касимове заметна роль Джелаиров. Поэтому необходимо дальнейшее изучение трайбалистских структур в постордынских государствах и сообществах, а на данном этапе столь категоричное суждение нам представляется преждевременным.

В целом, соглашаясь с тем, что бекский титул сохранялся за его обладателем пожизненно хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что русские источники предполагают варианты. Так, диссертант указывает на факт сохранения титула казанским беком Нур-Али уже после падения Казани. В доказательство он приводит данные из новгородских писцовых книг, где Нур-Али упоминается с княжеским титулом. Однако есть упоминание его же землевладения в Коломенском уезде, но уже без княжеского титула. При этом очевидно, что речь идет об одном и том же человеке. Следовательно, при каких-то обстоятельствах источники могли и «потерять» титул, поэтому упоминание княжеского достоинства не может служить достаточным основанием при изучении истории княжеских татарских родов.

Анализируя конфликт осени 1533 г., автор пришел к выводу, что ногайские отряда напали на Старый Темников или Старый Кадом, отведя раннее высказанное мною предположение, что нападение было совершено на Касимов. Суть критики моего положения сводится к тому, что Касимов называли «Городок», а при описании нападения было использовано «город». Не очень при этом стало понятно, почему этот «город» надо понимать как Старый Кадом или Старый Темников. Если отталкиваться от маршрутов движения ногайских посольств, то двигались они зачастую через Касимов, реже через Темников, о движении через Кадом сведений у нас нет. Поэтому скорее стоит ожидать нападений или на Старый Темников или все-таки на Касимов. Мое мнение, что целью нападение был Касимов, было основано все-таки в первую очередь, что касимовские татары активно нападали на ногайские кочевья и в Касимове содержались ногайские пленники. Еще одним замечанием является то, что Федор Иванович Карпов был все-таки не дьяком, а оружничим.

Впрочем, высказанные замечания не отменяют высокого уровня работы и скорее носят уточняющий характер. Пожелания, в большей степени, определяют перспективы дальнейшей научной работы соискателя и не снижают историографического значения настоящего исследования и его высокой оценки.

Представленная работа имеет квалификационный характер. Диссертация отличается новизной в рассмотрении проблемы и разрешении ряда задач, представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование актуальной исторической темы, впервые разработанной монографически.

Диссертация «Административно-территориальное устройство Мещеры XV – начала XVII веков. (Этнополитические аспекты)» полностью отвечает требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением № 842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. (в редакции Постановления Правительства

РФ № 335 от 21 апреля 2016 г. и № 748 от 02 августа 2016 г.), а ее автор Акчурин Максим Маратович, без сомнения, заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

Кандидат исторических наук,
Заведующий сектором
экспозиционно-выставочной работы
отдела «Музей археологии Москвы»
Государственного бюджетного учреждения культуры
г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»

М. В. Моисеев

17 сентября 2019 г.

Моисеев Максим Владимирович,
Государственное бюджетное учреждение культуры
г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы»
119021, Москва, Зубовский бульвар, 2
Тел.: 8 (495) 692-00-53
e-mail: maksi-moiseev@yandex.ru

Подпись заве,
М.В.Моисеева, з
М.Л.Школьнико:

ектором научно-просветительной работы
Специалист по кадрам высшей категории